

Джек Лондон

По ту сторону черты

Джек Лондон

По ту сторону черты

«Public Domain»

1909

Лондон Д.

По ту сторону черты / Д. Лондон — «Public Domain», 1909

«Старый Сан-Франциско – или, иными словами, Сан-Франциско до землетрясения – был разделен пополам чертой. Этой чертой была железная перекладина, шедшая посредине Базарной улицы. К перекладине был прикреплен бесконечный канат, к которому можно было привязывать повозки и тележки и который перетаскивал их с одного конца улицы на другой. В сущности говоря, было две перекладины, но в обиходе их считали как бы за одну и называли просто перекладиной, или чертой. К северу от черты были театры, гостиницы, роскошные магазины, банки, конторы; по другую сторону черты, к югу, были заводы, мрачные притоны, кабаки, прачечные, ремонтные мастерские и дома, где жили рабочие. Таким образом, перекладина, или черта, приобрела как бы некое символическое значение – она означала разделение общества на два класса, и никто не умел так ловко переходить черту, как Фредди Друммонд. Он приспособился жить в обоих мирах и в обоих мирах чувствовал себя превосходно...»

Джек Лондон

По ту сторону черты

Старый Сан-Франциско – или, иными словами, Сан-Франциско до землетрясения – был разделен пополам чертой. Этой чертой была железная перекладина, шедшая посередине Базарной улицы. К перекладине был прикреплен бесконечный канат, к которому можно было привязывать повозки и тележки и который перетаскивал их с одного конца улицы на другой. В сущности говоря, было две перекладины, но в обиходе их считали как бы за одну и называли просто перекладиной, или чертой. К северу от черты были театры, гостиницы, роскошные магазины, банки, конторы; по другую сторону черты, к югу, были заводы, мрачные притоны, кабаки, прачечные, ремонтные мастерские и дома, где жили рабочие. Таким образом, перекладина, или черта, приобрела как бы некое символическое значение – она означала разделение общества на два класса, и никто не умел так ловко переходить черту, как Фредди Друммонд. Он приспособился жить в обоих мирах и в обоих мирах чувствовал себя превосходно.

Фредди Друммонд был профессором социологии в Калифорнийском университете, и в первый раз он перешел черту именно как профессор социологии. Он прожил шесть месяцев в рабочем квартале и написал свой труд под названием «Неопытный рабочий» – книгу, которую всюду отметили как ценный вклад в литературу прогресса и как великолепный отпор литературе недовольства. И в политическом, и в экономическом смысле книга была вполне ортодоксальна. Председатели крупных железнодорожных компаний покупали эту книгу целыми изданиями для раздачи своим служащим. Объединение мануфактурных фабрик купило сразу пятьдесят тысяч экземпляров. В некоторых отношениях книга эта была столь же замечательна, как знаменитые «Послания к Гарсиа», хотя по своей проповеди наживы и сытого довольства напоминала «Миссис Вике и огород с капустой».

Вначале Фредди Друммонд никак не мог приноровиться к рабочим. Он не привык к их способам обращения, а они косились на него. Рабочие относились к нему подозрительно. Фредди Друммонд не имел стажа, ничего не мог рассказать о своей прежней работе и вдобавок подавал для пожатия изнеженную руку. Его необыкновенная вежливость тоже была подозрительна. Когда он впервые решил разыграть роль рабочего, то вообразил, что всякий независимый американец может заниматься чем ему угодно и ни перед кем не отчитываться. Оказалось, не совсем так. Рабочие сочли его за чудака. Спустя некоторое время, немного освоившись с новым положением, он незаметно для самого себя стал разыгрывать более легкую роль человека, опустившегося случайно и временно.

Он понахватал много интересных фактов, и все это послужило ему материалом для «Неопытного рабочего». Его обобщения были не всегда правильны из-за отсталости, свойственной людям его типа, но он ловко вывернулся, назвав свои выводы «попыткой к обобщению». Первые свои опыты он начал на консервном заводе Уильмакса, где ему было поручено сбивать небольшие ящики. На завод присылали готовые части, и нужно было только сколачивать их тонкими гвоздями с помощью легкого молотка. Работа нехитрая, оплачивалась сдельно. Обыкновенный рабочий вырабатывал полтора доллара в день. Фредди Друммонд заметил, что некоторые рабочие, исполнявшие ту же работу, что и он, даже не работая особенно ретиво, вырабатывали один доллар семьдесят пять центов. На третий день он стал зарабатывать столько же. Но он был самолюбив, не хотел этим ограничиться и на четвертый день заработал два доллара, а еще через день, работая не покладая рук, он заработал даже два с половиной доллара. Его сотоварищи стали ворчать и злобно над ним насмехаться, а кроме того, болтали что-то между собой на непонятном для него рабочем жаргоне. Они говорили, что необходимо прижимать хозяев и по возможности обуздывать свою прыть. Его очень удивило такое отношение к сдельной работе, и он сделал много выводов относительно врожден-

ной лености и непредприимчивости рабочего класса и на следующий день заработал уже три доллара.

Когда он в тот вечер выходил из завода, к нему подошли его товарищи по работе и стали осыпать его гневными и непонятными упреками. Он старался понять, что же руководило ими. Они ожесточенно спорили. И когда он наотрез отказался работать меньше и напомнил им о свободном договоре, о независимости американского гражданина и о достоинстве труда, они решили собственными средствами умерить его пыл. Завязалась жестокая драка. Друммонд был атлет высокого роста. Но толпа в конце концов осилила его; ему изрядно помяли бока, расквасили физиономию, вывихнули пальцы, так что пришлось пролежать неделю в постели, прежде чем он оказался способен приняться за другую работу.

Все это он изложил в своей первой книге, в главе «Тирания труда». Через некоторое время, работая в другом отделении того же завода в качестве распределителя фруктов, он однажды попытался нести два ящика вместо одного, за что его тут же упрекнули товарищи по работе. Ему было совсем не трудно нести два ящика, но он решил, что находится здесь не для того, чтобы внедрять свои правила, а для того, чтобы наблюдать уже заведенное. Поэтому он стал носить по одному ящику и вскоре так хорошо изучил искусство отлынивания от работы, что даже написал об этом специальную главу, в которой пытался делать обобщения.

Шесть месяцев он работал, меняя столько заводов, что стал представлять собой довольно удачную пародию на рабочего. Фредди Друммонд был природным лингвистом, всегда носил при себе записную книжку, делал в ней различные пометки и в конце концов довольно удачно научился говорить на рабочем жаргоне. Этот жаргон помог ему лучше вникнуть в ход мыслей рабочих, что, в свою очередь, дало ему возможность написать исследование под названием «Синтез психологии рабочего класса».

Перед тем как вынырнуть после этого своего «ныряния» на дно, он сделал вывод, что может быть хорошим актером и вдобавок обладает спокойным и уравновешенным характером. Он сам удивлялся своему таланту. Усвоив жаргон и поняв многие незнакомые прежде выражения, он стал входить во все подробности жизни рабочего класса и чувствовал себя там как дома. В предисловии к своей второй книжке «Рабочий» он говорил о том, что пытался поближе познакомиться с жизнью рабочего класса, а единственным средством для этого было работать вместе с ним, есть ту же пищу, забавляться его забавами и чувствовать его чувствами.

Фредди Друммонд не был глубоким мыслителем, он не верил в новые теории, все его нормы и критерии были условны. Его трактат о французской революции был известен в академических кругах не только как очень кропотливое исследование, но главным образом потому, что ничего более сухого, более мертвого и формального еще не было написано на эту тему. Однако способности у него были большие, и волей он обладал твердой, как сталь. Друзьями он не мог похвастать, так как был необщителен и сух по природе. У него не было никаких пороков, и казалось, он никогда не подвергался никаким искушениям. Он ненавидел табак, презирал пиво, и никто не видел, чтобы он выпил что-нибудь крепче столового белого вина. Когда он начинал свою карьеру, его более горячие товарищи прозвали его Ледником. По окончании университета он стал известен под кличкой Холодильник. Однако в одной области он был просто Фредди – когда играл в университетской футбольной команде, где проявил себя хорошим бэком. Сокращенное имя за ним закрепилось, и это ему не очень нравилось. Он был Фредди, когда не требовалось выступать в официальной роли, и ему часто снилось по ночам, что жизнь его идет под уклон и весь мир называет его Старый Фредди. Он был молод для доктора социологии, ему было всего двадцать семь лет, а на вид и того меньше. Его скорее можно было принять за великовозрастного студента, гладко выбритого, с элегантными манерами – за простодушного здорового малого, известного своей физической силой, спокойного и хладнокровного, как все люди этого типа. Вне стен университета он не говорил на научные темы до тех пор, пока не сделался известным ученым, снисходительно читающим рефераты

в различных литературных и экономических обществах. Все, что он делал, было правильно, даже слишком правильно. Он был корректен и в одежде, и в общении. При этом его нельзя было назвать дэнди. Это был типичный университетский сотрудник, каких за последнее время немало вышло из высших учебных заведений. Его рукопожатие было крепко, голубые глаза довольно холодны и достаточно откровенны. Его голос звучал твердо и мужественно, произношение у него было безукоризненно правильное и приятное на слух. Единственным недостатком Фредди Друммонда была его необычайная сдержанность. Он никогда не распускался. Даже во время футбольных состязаний чем напряженнее складывалась игра, тем он становился хладнокровнее. Он был хорошим боксером. Его называли автоматом: до такой степени точны были все его расчеты при нападении и при защите. Его редко побеждали, но и сам он побеждал редко. Он был слишком умен и осторожен, чтобы позволить себе лишний риск. На каждое состязание он смотрел просто как на хорошую тренировку.

С течением времени Фредди Друммонд стал все чаще переходить черту и исчезать южнее Базарной улицы. Здесь он проводил летние и зимние праздники. И всегда считал, что провел время приятно и с пользой. А материала для наблюдения там на самом деле доставало. Его третья книга – «Масса и хозяин» – сделалась своего рода евангелием в американских университетах. А сам он в это время уже сидел над своей четвертой книгой – «Уловка бессильного».

Однако он чувствовал в себе странную раздвоенность. Быть может, это было смутным протестом против полученного им воспитания, условностей и привычек, унаследованных от предков. Как бы то ни было, он находил большое удовольствие в своих скитаниях по рабочему кварталу. В своей среде он слыл Холодильником, но среди рабочих он был Верзила Билль Тоттс, который пил и курил, чертыхался, дрался и видел вокруг дружеские улыбки. Все любили Билля, и многие девушки из работниц ласково поглядывали на него. Вначале он был просто хорошим актером, но потом как бы обрел здесь вторую натуру. Он уже не притворялся, что любит, а действительно любил дешевые сосиски и колбасу, хотя в своем родном кругу не переносил этой пищи.

Начав с осуществления определенной поставленной цели, он в конце концов полюбил эту жизнь, и ему уже стало тяжело и неприятно возвращаться в свой чопорный кабинет ученого. Он заметил, что с нетерпением ожидает того момента, когда можно будет снова перейти черту и опять превратиться в компанейского малого. Он вовсе не был повесой, однако как Верзила Билль Тоттс он проделывал тысячи таких вещей, на которые никогда не решился бы Фредди Друммонд. Фредди Друммонду они бы даже никогда не пришли в голову, – это и было самое удивительное. Фредди Друммонд и Билль Тоттс были совершенно различными людьми. Желания, поступки и настроения одного были диаметрально противоположны поступкам и настроениям другого. Билль Тоттс без всяких угрызений совести лодырничал во время работы, тогда как Фредди Друммонд клеймил лодырничанье как величайшее преступление, недостойное американца, и посвящал этому вопросу громоподобные главы. Фредди Друммонд никогда не помышлял о танцах, а Билль Тоттс не упускал случая поплясать в какой-нибудь «Магнолии» или «Западной Звезде». Он даже получил большой серебряный кубок, в тридцать дюймов высотой, за костюм на одном из клубных маскарадов союза мясников. Кроме того, Билль Тоттс любил поболтать с девушками, и они не отвергали его, тогда как Фредди Друммонд изображал из себя аскета, ненавидел суфражисток и цинически ядовито осуждал совместное образование.

Фредди Друммонд с удивительной легкостью менял свои манеры вместе с платьем. Он входил в маленькую комнатку, в которой обыкновенно переодевался, прямо и чопорно, плечи его были гордо откинута назад, выражение лица надменное и холодное. Но одевшись в платье Билля Тоттса, он сразу становился другим человеком. Билль Тоттс не распускался, но его манеры делались простыми и изящными, даже звук его голоса изменялся, смех звучал громко и весело, речь становилась более красочной, а с его уст срывалось подчас крепкое ругательство. Билль Тоттс по вечерам любил засиживаться в кабаках, где среди своих товарищей – рабочих

– держал себя добродушно, а иногда воинственно, не уклоняясь от потасовок. Возвращаясь с воскресных пикников, он очень непринужденно обнимал за талию своих спутниц, и видно было, что он ухаживает за ними умело, как и подобает веселому парню из рабочей среды.

Билль Тоттс был настоящим рабочим южной части города и был вполне проникнут самосознанием рабочего класса, а штрейкбрехеров ненавидел сильнее, чем кто-либо из членов союза. Во время большой «водяной забастовки» Фредди Друммонд был настроен весьма критически и хладнокровно мог рассуждать о ней, в то время как Билль Тоттс лодырничал и издевался над штрейкбрехерами. Билль Тоттс был преданным членом своего союза и справедливо негодовал на узурпаторов своих прав. Верзила Билль был такой здоровый и такой ловкий малый, что его пускали вперед во время всяких заворушек. Фредди Друммонд в своей новой роли научился понимать реальные обиды и искренне возмущался; но вернувшись в университетскую атмосферу, он начинал все хладнокровно обсуждать и взвешивать, как подобает ученому социологу. Фредди Друммонд отлично понимал, что у Билля Тоттса ограниченный кругозор, отчего он и не может подняться над уровнем своего класса. Билль Тоттс не знал этого. Когда он видел, что штрейкбрехеры отнимают у него работу, он попросту приходил в ярость. Фредди Друммонд, безукоризненно одетый, сидя на кафедре в социологической аудитории, созерцал Билля Тоттса и окружавшую его среду и хладнокровно рассуждал о союзах и о штрейкбрехерах, сводя все эти вопросы к общей проблеме процветания Соединенных Штатов. Билль Тоттс ничего не видел дальше второго блюда за обедом или следующего состязания боксеров в атлетическом клубе.

Первое предупреждение о грозящей ему опасности Фредди получил, когда собирал материал для своей новой книги «Женщина и труд». В обоих мирах он пользовался слишком большим успехом. Та двойственность, которую он для себя создал, была слишком необычайна, и однажды, сидя у себя в кабинете за работой, он почувствовал, что не может больше этого выносить. Он дошел до такой точки, когда ему во что бы то ни стало нужно было сделать выбор между двумя мирами. Продолжать жить в обоих он уже больше не мог. Созерцая полки, уставленные книгами, среди которых видное место занимали его труды, начиная с диссертации и заканчивая последней книгой «Женщина и труд», он решил, что это и есть мир, для него предназначенный. Билль Тоттс помогал ему, но его дальнейшее участие начинало становиться опасным. Билль Тоттс должен был исчезнуть.

Главной причиной опасений Фредди Друммонда была Мэри Кондон, председательница Международного Союза перчаточниц, № 974. Первый раз он ее увидел с галереи для зрителей на ежегодном конгрессе Северо-Западной Федерации Труда. Увидел глазами Билля Тоттса, и на Билля Тоттса она произвела самое благоприятное впечатление. Но она отнюдь не соответствовала вкусу Фредди Друммонда. Для него не имели значения ни ее статная фигура, ни поразительная гибкость, ни прекрасные черные глаза, вспыхивающие подчас огнем, ни заразительный смех. Он ненавидел женщин со слишком ярко выраженным жизнелюбием и с отсутствием... ну, скажем, самообладания. Фредди Друммонд признавал теорию эволюции, поскольку ее признавали все его университетские коллеги. И он допускал, что человек – просто-напросто верхняя ступень в развитии живых организмов, потомок и высший результат длинной вереницы низших существ. Но он стыдился подобной генеалогии и предпочитал не думать о ней. Потому-то, вероятно, он и развил в себе железное самообладание, требовал того же от других и женщин предпочитал таких же, то есть свободных от всего животного и чувственного и сумевших благодаря своей выдержке перейти через бездну, отделявшую их от существ низшего порядка.

Биллю Тоттсу были не по плечу подобные размышления, он полюбил Мэри Кондон с первого взгляда и тогда же решил узнать, кто она такая. В следующий раз он встретился с ней совершенно случайно, когда занимался перевозкой вещей, управляя фургоном Пата Морриса. Его послали в гостиницу на Посольской улице, чтобы взять оттуда на хранение сундук. Дочь

хозяйки провела его в маленькую комнату, обительницу которой, перчаточницу по профессии, только что отвезли в больницу. Он взвалил себе на плечи тяжелый сундук и повернулся к выходу, как вдруг его остановил женский голос:

– А вы состоите в союзе?

– А вам какое дело, – ответ был невежлив. – Ну-ка, подвиньтесь немножко, а то мне негде повернуться. Живо!..

В следующее мгновение, несмотря на свой рост и силу, он пошатнулся, так как его сильно толкнули, и сундук стукнулся о стену. Билль хотел выругаться, но, обернувшись, увидел сердитые черные глаза Мэри Кондон.

– Ну, разумеется, я принадлежу к союзу, – сказал он. – Я просто хотел подразнить вас.

– Покажите вашу карточку, – проговорила она деловым тоном.

– Она у меня в кармане, но я не могу достать ее – этот дьявольский сундук мешает.

Пойдемте вниз, я вам покажу карточку.

– Поставьте сундук на пол, – приказала она.

– Какого черта! Сказал же вам – у меня есть карточка.

– Говорят вам, поставьте сундук, я не позволю ни одному штрейкбрехеру его касаться.

Как вам не стыдно! Здоровый детина отбивает хлеб у честных людей! Почему бы вам самому не записаться в союз и не стать честным человеком?

Краска залила ее лицо, и по всему было видно, что она вне себя от ярости.

– Этаким верзила изменяет своим же братьям. Вы, небось, мечтаете о том, чтобы поступить в милицию и во время следующей забастовки подстрелить кого-нибудь из товарищей-возчиков, а может, вы тайком уже служите в милиции, я вижу это по вашему лицу.

– Да нет же, черт побери! – воскликнул Билль, с грохотом ставя сундук на пол и вытаскивая из кармана карточку. – Я же вам говорил, что я вас только дразнил. Видите...

Это был действительно членский билет союза в полной исправности.

– Ну, ладно, – смягчилась Мэри Кондон. – В следующий раз не дразните.

Ее лицо прояснилось, когда она увидела, с какой легкостью Билль Тоттс взвалил себе на плечи огромный сундук. Загоревшимися глазами она оглядела его могучую, мужественную фигуру, но Билль этого не заметил – он был занят сундуком.

В следующий раз он увидел Мэри Кондон во время забастовки прачек. Прачки, недавно организовавшиеся, были неопытны в этом деле и просили Мэри Кондон руководить забастовкой. Фредди Друммонд заинтересовался ходом забастовки и откомандировал Билля Тоттса на разведку. Билль работал в прачечной, и в одно утро мужчины были мобилизованы для оказания помощи девушкам. Билль случайно оказался возле двери катального помещения, когда Мэри Кондон хотела туда войти. Управляющий – здоровый и плотный человек – загородил ей дорогу. Он вовсе не желал, чтобы его девушек снимали с работы, и хотел отучить ее вмешиваться в чужие дела. Когда Мэри Кондон все-таки хотела проскользнуть в помещение, он оттолкнул ее своими жирными руками. Она обернулась и увидела Билля.

– А, мистер Тоттс, – обратилась она к нему. – Помогите мне войти туда.

Билль был приятно удивлен, что она запомнила его имя по его членскому билету; в следующее мгновение управляющий отлетел в сторону, а прачечная вскоре опустела. На всем протяжении этой короткой и удачной забастовки Билль сопровождал повсюду Мэри Кондон, словно верный адъютант. Но вернувшись в университет, Фредди Друммонд недоумевал, что он мог найти в этой женщине.

Фредди Друммонд был вне опасности, но Билль Тоттс влюбился по уши – факт, с которым нужно было считаться, и он-то послужил Фредди Друммонду первым предостережением. Работа подходила к концу, стало быть, следовало прекратить авантюру, не было больше никакой надобности переходить черту. В книге «Тактика и стратегия труда» оставалось написать две-три главы, но и для них материала было вполне достаточно.

Другим важным соображением оказывалось следующее: чтобы окончательно утвердиться в роли Фредди Друммонда и встать, наконец, на якорь, ему необходимо было теснее сблизиться с людьми его собственного круга. Он решил, что пора жениться; к тому же он был уверен, что если не женится Фредди Друммонд, то это не замедлит сделать Билль Тоттс, а последствия такого брака будут весьма и весьма плачевны. Так в его жизнь вошла Катерина ван Ворст. Она окончила университет, а ее отец был членом факультета и деканом философского отделения. Брак этот представлялся разумным со всех точек зрения, и Фредди Друммонд был весьма доволен, когда предложение его приняли и была объявлена помолвка. Холодная и сдержанная, аристократически консервативная Катерина ван Ворст не уступала в самообладании самому Фредди Друммонду.

Все как будто обстояло благополучно, но Фредди Друммонд никак не мог отделаться от желания снова пожить той свободной и безответственной жизнью, с которой познакомился по ту сторону черты. Когда приблизилось время свадьбы, он ясно понял, что в нем крепко засели корешки других привычек, и ему снова захотелось хоть на миг превратиться в того веселого малого, прежде чем окончательно погрузиться в кабинетную науку и в спокойную семейную жизнь. Как раз подвернулся и предлог: оставалась незаконченной последняя глава его нового труда, а для нее требовались кое-какие материалы, которые он не успел собрать.

Поэтому Фредди Друммонд еще раз превратился в Билля Тоттса, собрал все, что ему было нужно, но, к несчастью, встретил Мэри Кондон. Вернувшись снова в свой кабинет, он с неудовольствием вспомнил об этой встрече. Предупреждение было вдвойне знаменательно. Билль Тоттс вел себя предосудительно – он не только встретил Мэри Кондон в Рабочем Совете, но, провожая ее домой, зашел с ней в ресторанчик и угостил ее устрицами, а у двери ее дома крепко обнял ее и несколько раз поцеловал в губы. Ее последние слова прозвучали в его ушах нежно и ласково: «Билль, милый Билль!»

Вспоминая об этом, Фредди Друммонд содрогался и чувствовал, что у ног его разверзается бездна. Он по природе не был многоженцем, и его не на шутку тревожило создавшееся положение. Надо было положить конец раздвоению. А из этого было два выхода. Либо он должен полностью превратиться в Билля Тоттса и жениться на Мэри Кондон, либо ему следует оставаться только Фредди Друммондом и жить в честном браке с Катериной ван Ворст; иначе его поведение было бы ужасно и недостойно порядочного человека.

В течение следующих месяцев Сан-Франциско сотрясали всяческие забастовки. Союзы рабочих и ассоциации предпринимателей вели ожесточенную борьбу и, по-видимому, твердо решили раз навсегда выяснить положение. Но Фредди Друммонд просматривал свои корректуры, читал лекции и ни во что не вмешивался. Он всецело посвятил себя Катерине ван Ворст и с каждым днем восхищался ею все больше и больше – мало того, он начинал любить ее. Забастовка возчиков взволновала его меньше, чем он думал; к стачке мясников он отнесся совершенно равнодушно. Призрак Билля Тоттса окончательно рассеялся, и Фредди Друммонд с новой энергией уселся за давно обдуманную им брошюру «Уменьшающиеся доходы».

До свадьбы оставалось две недели, и вот однажды Катерина ван Ворст заехала за ним и предложила, воспользовавшись хорошей погодой, поехать осмотреть «Клуб для подростков»,строенный Обществом Рабочих Поселков, в котором она принимала деятельное участие.

Автомобиль принадлежал ее брату, но они ехали вдвоем, если не считать шофера. Базарная улица и Жири-стрит при слиянии образуют острый угол в виде V. Они ехали на автомобиле по Базарной улице, намереваясь завернуть за угол и поехать по Керни-стрит. Но они не знали, что ожидает их на этой улице. Хотя они читали в газетах о забастовке мясников, Фредди Друммонд, по правде говоря, совершенно забыл о ней. Разве мог он помнить об этом, сидя рядом с Катериной? А кроме того, он с увлечением излагал ей свои взгляды на рабочие поселки – взгляды, которые он без помощи Билля Тоттса не сумел бы так ловко формулировать.

Навстречу им двигались шесть фургонов с мясом; рядом с каждым возчиком сидел полицейский, а спереди и сзади шел отряд из сотни полисменов: возчики были штрейкбрехерами. Вслед за полицейскими шла толпа в довольно стройном порядке, но весьма горластая, запрудившая несколько улиц. Мясной Трест пытался снабдить мясом гостиницы и таким образом сорвать забастовку. Отель Ст. – Фрэнсис был уже снабжен, что обошлось в несколько разбитых окон и голов, и теперь экспедиция отправлялась на выручку Палас-отеля.

Фредди Друммонд, не обращая внимания на толпу, продолжал развивать Катерине свои взгляды, а шофер уже собирался заворачивать за угол, как вдруг с Керни-стрит выехал огромный фургон, нагруженный углем, и загородил им дорогу. Возчик фургона задержал лошадей, и шофер попытался проскочить наперерез фургону, несмотря на окрики полисмена, напоминавшего ему о правилах езды по городу.

Фредди Друммонд вынужден был прервать свою речь; он так ее больше и не возобновил, ибо события помчались с кинематографической быстротой. Он слышал рев толпы и видел блеск касок полисменов, охранявших повозки. В этот самый миг возчик фургона с углем погнался наперерез подвигавшимся повозкам с углем, затем резко осадил лошадей и затормозил. После этого он привязал вожжи к ручке тормоза и уселся поудобнее, как человек, которому некуда торопиться. Автомобиль тоже вынужден был остановиться.

Не успел шофер дать задний ход, как сзади на автомобиль налетел другой фургон, управляемый старым ирландцем, в котором Фредди Друммонд сразу узнал Пата Морриса. Фредди Друммонд сам не раз управлял этим фургоном. Подъехали новые фургоны, подошел трамвай, и проехать уже не было никакой возможности. Вагоновожатый неистово звонил в колокольчик, мясные фургоны остановились, полиция попала в ловушку. Рев толпы все усиливался, и толпа в конце концов стала осаждать полисменов, которые пытались расчистить дорогу для фургонов.

– Вот мы и попались, – спокойно заметил Друммонд.

– Да, – столь же хладнокровно ответила его спутница, – какие они дикари!

Он с восхищением смотрел на нее: да, она была вполне в его вкусе; правда, он не стал бы особенно упрекать ее, если бы она даже вскрикнула и прижалась к нему, но такое спокойствие было поистине великолепно. Среди этого бушующего моря голов она сидела так же спокойно, как при разъезде из театра.

Полиция старалась расчистить дорогу. Возчик фургона с углем, здоровенный малый с засученными рукавами, набил трубку и сидел, спокойно покуривая. Он снисходительно слушал, как полицейский капитан осыпал его ругательствами, и в ответ пренебрежительно пожимал плечами. Издали донеслось характерное «трах-та-ра-рах» – удары дубинками по головам, раздались крики, вой, проклятия и стоны. Все возрастающий шум ясно показывал, что толпа наконец прорвала цепь полисменов и теперь стаскивала с козел штрейкбрехеров-возчиков. Полицейский капитан послал туда отряд, который начал теснить толпу. Между тем одно за другим стали открываться окна контор, расположенных в верхних этажах, и клерки, проникнутые массовым сознанием, стали выкидывать на головы полицейских разные предметы, попадавшиеся под руку. Корзины для бумаги, пресс-папье, чернильницы, пишущие машинки – все это летело на улицу.

Один из полисменов, по приказанию капитана, забрался на угольный фургон, чтобы арестовать возчика. Тот спокойно и лениво поднялся, но затем вдруг схватил и швырнул полисмена прямо на капитана. Возчик был молодой гигант, и когда он взял в обе руки по здоровенному куску каменного угля, полицейский, вторично влезавший на фургон, раздумал нападать на него и спрыгнул на землю. Капитан приказал полдюжине полисменов атаковать фургон, но возчик перебежал из стороны в сторону и швырял в них здоровенные куски угля.

Толпа на тротуарах поощряла возчика громкими криками и с восторгом наблюдала борьбу. Вагоновожатый трамвая, колотивший полицейских тормозной рукояткой, был избит до полусмерти и сташен на мостовую. Полицейский капитан, вне себя от ярости, лично рас-

поряжался осадой угольного фургона. Целая толпа полицейских осаждала эту своеобразную крепость, но возчик действовал с необыкновенной быстротой и энергией. По временам шесть или семь полицейских скатывались с фургона. Занятый отражением атаки с задней стороны, возчик, внезапно обернувшись, увидел, что капитан взбирался на фургон с передней. Капитан висел еще в воздухе в неустойчивом положении, когда возчик запустил в него тридцатифунтовым куском угля. Он попал капитану прямо в грудь, тот полетел кувырком, ударился о колесо и упал возле автомобиля.

Катерина думала, что он убит, но он поднялся и полез обратно. Она протянула свою затянутую в перчатку руку и погладила одну из испуганных лошадей. Друммонд не заметил ее движения. Он весь был поглощен созерцанием осады фургона, а где-то там, в глубине его сложной психики, возникал и возвращался к жизни некий Билль Тоттс. Друммонд признавал необходимость поддержания существующего порядка и верил в закон. Но сидевший в нем дикарь ничего этого не признавал.

Фредди Друммонд в этот критический миг напряг всю свою железную волю, но в писании сказано, что дом, треснувший внутри, неминуемо должен пасть. И Фредди Друммонд чувствовал, как он расплзался внутри и как сейчас распадется на две части, одна из которых звалась Биллем Тоттсом. Фредди Друммонд сидел в автомобиле совершенно спокойно рядом с Катериной ван Ворст, но из глаз Фредди Друммонда уже выглядывал Билль Тоттс, а сам Друммонд наблюдал словно со стороны, как внутри сражаются за обладание его особой спокойный консервативный социолог и Билль Тоттс, сознательный рабочий, охваченный к тому же воинственным пылом. Билль Тоттс предвидел неизбежный исход битвы на угольном фургоне. Он видел, как на фургон забрался сначала один полисмен, затем второй, третий. Он видел, как они спотыкаются на угле и размахивают своими дубинками. Один удар пришелся возчику по голове, от другого удара тот уклонился, но дубинкахватила его по плечу. Его игра была проиграна. Тогда он внезапно бросился, схватил двух полисменов в свои могучие объятия и вместе с ними, уже как пленник, шлепнулся на мостовую.

Катерина ван Ворст едва не упала в обморок при виде крови и грубой драки, но ее волнение было внезапно прервано самым необычным и неожиданным образом. Сидевший рядом с ней человек издал дикий, нелепый крик и вскочил со своего места. Она видела, как этот человек перепрыгнул через переднее сиденье, оперся о низкий круп лошади и в мгновение ока очутился на фургоне. Он появился, точно смерч. Прежде чем капитан, стоявший на верху повозки, мог угадать цель появления этого прекрасно одетого, но необычайно возбужденного джентльмена, он уже полетел на мостовую, сшибленный с фургона страшным ударом. Другой полисмен отправился вслед за ним с разбитой физиономией. Тогда трое других бросились на Билля Тоттса, осыпая его ударами дубинок, так что череп его затрещал, а рубашка, пиджак и жилет разлетелись в клочья. Но все три полисмена полетели на мостовую, а Билль Тоттс, стоя на верху фургона, швырял в них углем.

Капитан доблестно кинулся в атаку, но кусок угля полетел в его голову, и он принял черное угольное крещение. Полиции было необходимо оттеснить блокаду спереди, прежде чем толпа прорвет полицейскую цепь сзади, и Билль Тоттс задался целью удержать полицейских. Таким образом, битва у фургона продолжалась.

Толпа узнала своего чемпиона. Верзила Билль, как всегда, был впереди всех, и Катерина ван Ворст с недоумением слышала крики: «Билль, эй, Билль!», доносившиеся со всех сторон.

Пат Моррисон в неистовом восторге прыгал и плясал на своем фургоне.

– Так их, Билль, так их, лопай их живьем!

Она слышала, как какая-то женщина на тротуаре закричала:

– Смотри, Билль, они сзади!..

Билль принял во внимание это предостережение и, оглянувшись, очистил с помощью угля эту часть фургона. Катерина ван Ворст, быстро обернувшись, увидела на тротуаре жен-

щину, черные пылающие глаза которой с восторгом смотрели на того, кто только что был Фредди Друммондом.

Из окон контор раздался гром аплодисментов. Стулья, столы и другие предметы посыпались на улицу с новой силой. Толпа с одной стороны уже прорвала фронт, и теперь каждый полисмен был центром сражающейся группы. Штрейкбрехеров сбросили с их сидений, постромки лошадей перерезали, и испуганные животные бросились в бегство. Многие полицейские, спасаясь от опасности, забирались под угольный фургон, а другие, вскочив на лошадей, прочищали себе дорогу к Базарной улице.

Катерина ван Ворст снова услышала голос той женщины. Женщина кричала:

– Улепетывай, Билль! Улепетывай, пора!

В этот миг полиция была оттиснута. Билль Тоттс воспользовался ее замешательством, прыгнул на мостовую и подошел к женщине, которая, к удивлению Катерины ван Ворст, обняла его и поцеловала в губы. Катерина ван Ворст увидела, как он обнял женщину за талию, и оба они пошли вниз по улице, смеясь и разговаривая, причем у него была такая развязная походка, которой Катерина ван Ворст в нем не знала и никак не предполагала.

Полиция возвратилась и очищала баррикады, ожидая прибытия новых лошадей и возчиков. Толпа, сделав свое дело, расходилась, а Катерина ван Ворст все смотрела вслед тому, кого она привыкла звать Фредди Друммонд. Он был на голову выше всех, его рука продолжала обнимать за талию женщину. Сидя в автомобиле, Катерина ван Ворст видела, как эта веселая пара пересекла Базарную улицу, перешла черту и исчезла в лабиринте рабочего квартала.

В течение следующих лет не слышали лекции Фредди Друммонда в Калифорнийском университете. Книги по экономическим вопросам, носящие имя Фредерика А. Друммонда, также не появлялись. Зато появился новый рабочий лидер Вильям Тоттс. Это он женился на Мэри Кондон, председателнице Международного Союза Перчаточниц, № 974. Это он организовал знаменитую забастовку поваров и официантов, которая прошла с таким блистательным успехом и вовлекла в забастовку многие другие союзы, имевшие к Союзу Поваров и Официантов лишь косвенное отношение, например Союз Куроводов и Союз Могильщиков.